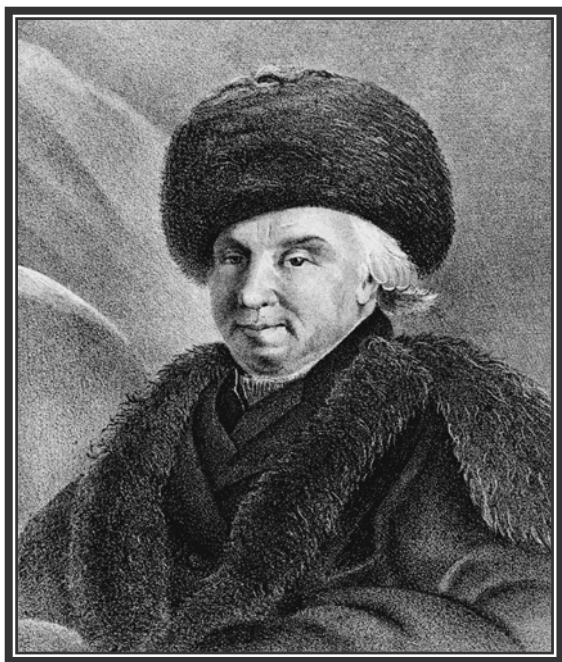

ДЕРЖАВИН
ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ

...Государственный человек... более других сограждан... должен любовью к отечеству жить, вливать ее в своих подчиненных и быть примером в ней всему государству.

Г.Р.Державин

В августе 1783 г., гуляя с Екатериной II в саду Царского Села, Е.Р.Дашкова «выразила удивление, что императрица, будучи сама писательницей и любя наш язык, не основала еще Российской Академии»¹, — собрания просвещенных людей, которые видят, чувствуют и сознают всю прелесть и выразительность родного русского слова, его «красоту и богатство», радеют о сохранении и приумножении всех его «красот и богатств», проявляют заботу о его чистоте и прославляют его своими сочинениями.

Это удивление было неподдельным, очевидным и естественным, особенно если принять во внимание, что не только Екатерина Романовна, но и сама Екатерина Алексеевна вот уже несколько месяцев находилась под обаянием «русского слога», каким были исполнены творения Гаврилы Романовича Державина (1743–1816) и прежде всего его «Ода к премудрой Киргиз-Кайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским Мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге», опубликованная в первых числах мая в «Собеседнике любителей российского слова» и возвестившая о начале у нас новой эпохи в развитии литературы и литературного языка.

Императрица полностью разделила «удивление» своей наперсницы, и Российская Академия была основана. Державин прекрасно понимает, какую роль он сыграл в ее создании, вообще в судьбах отечественной словесности и журналистики того времени. В своих «Записках» он прямо говорит, что и журнал «Собеседник любителей российского слова», и «самая Российская Академия... начало свое возымали... от

¹ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. —Л., 1985. С. 153.

оды Фелица...»². Это находит подтверждение и в «Исторических, философических, политических и критических рассуждениях» О.П.Козодавлева, отметившего, что именно «Ода к премудрой Киргиз-Кайсацкой царице Фелице» навела Дашкову на мысль о создании журнала: «...красоты и истины, находящиеся в сей оде, почувствовав, решилася приказать ее напечатать; а дабы чрез то подать случай и другим сочинителям изощрять свои дарования, вздумала она издавать книгу под заглавием: *«Собеседник любителей российского слова»*...»³. А от журнала для «любителей российского слова» до Академии, где это слово становится предметом научного интереса и профессионального изучения, был, как оказалось, только один шаг...

«Беседовать» с «любителями российского слова» Екатерина Романовна начала державинской «Одой к Фелице», поместив ее на первых страницах самого первого номера (части) журнала. И не ошиблась. Журнал мгновенно оказался в центре литературной и общественной жизни России. И во многом благодаря этой «Оде», которая буквально потрясла читающую Россию. «Дщерь же моя теперь Фелица Гавриловна, — писал Державин поэту В.В.Капнисту 11 мая 1783 г., — скачет по городу, подыма хвост, и всяк ее иметь желает. Старик надевает очки, глухой протягает уши, лакомка при вестфальской ветчине делает глотки, любострастной тает нежностью в беседке, ездок при бегуне присвистывает, невежи в Библии находят источник просвещения, вельможа умеренность одобряет, подагрик ходит, шут умнеет. Словом, всяк ею любит и радуется»⁴.

Что же произошло? Почему «Ода к Фелице» приковала к себе такое внимание и получила у нас небывалый по тому времени общественный резонанс, вызвав всеобщий восторг: «... всяк ею любит и радуется»? А случилось то, что в литературу пришел гений, который, как и положено, по словам В.Г.Белинского, гению, «открыл миру новую сферу в искусстве»⁵. Открыл на радость россиянам, да так непринужденно, легко, изящно, что не любоваться его «дщерью», где это открытие получило яркое, убедительное, а главное, — наглядное художественное воплощение, было просто невозможно.

Этой сферой была поэзия русской жизни, то, чего до него никто из наших писателей, традиционно, начиная с А.Д.Кантемира, нацеленных на борьбу с негативными явлениями, в российской действительности не видел и не находил. А Державин нашел, причем там, где, казалось, поэзии вообще не могло быть: в жизни сановного Петербурга, в самодержавной форме правления, в просвещенном абсолютизме Екатерины II, о чем и поведал в своей «Оде к Фелице».

До чего же красиво, привольно, вольготно и размашисто жила вельможная Россия!

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от Персов похищаю,
То стрелы к Туркам обращаю;
То возмечтав, что я Султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок Вестфальской,
Там звенья рыбы Астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, страстей и аромат.

² Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К.Грота. Т. VI. —СПб., 1871. С. 559; Державин Г.Р. Избранная проза. —М., 1984. С. 90—91.

³ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Вып. VI. —СПб., 1882. С. 338.

⁴ Русская литература, 1972. № 3. С. 78.

⁵ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6. —М., 1955. С. 287.

Или средь рощицы прекрасной
 В беседке, где фонтан шумит,
 При звоне арфы сладкогласной,
 Где ветерок едва дышит,
 Где все мне роскошь представляет,
 К утехам мысли уловляет,
 Томит и оживляет кровь:
 На бархатном диване лежа,
 Младой девицы чувства нежа,
 Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
 В карете Аглинской, златой,
 С собакой, шугом или другом,
 Или с красавицей какой
 Я под качелями гуляю;
 В шинки пить меду заезжаю;
 Или, как то наскутит мне,
 По склонности моей к преме,не,
 Имея шапку на бекрене,
 Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
 Органом и волынкой вдрут,
 Или кулачными бойцами
 И пляской веселю мой дух;
 Или о всех делах заботу
 Оставля, ежду на охоту,
 И забавляюсь лаем псов;
 Или над Невскими брегами
 Я тешусь по ночам рогами
 И греблей удалых гребцов.

Иль сидя дома я прокажу,
 Играю в дураки с женой;
 То с ней на голубятню лажу,
 То в жмурки резвимся порой;
 То в свайку с нею веселюся,
 То ею в голове ищуся;
 То в книгах рыться я люблю,
 Мой ум и сердце просвещаю,
 Полкана и Бову читаю;
 Над Библией зеваю, сплю...

А как бесконечно добра, скромна, справедлива, трудолюбива и заботлива была Монархиня!

Мурзам твоим не подражая,
 Почасту ходишь ты пешком,
 И пища самая простая
 Бывает за твоим столом;
 Не дорожа твоим покоем,
 Читаешь, пишешь пред налоем,
 И всем из твоего пера
 Блаженство смертным проливаешь...

Тебе единой лишь пристойно,
 Царевна! свет из тьмы творить;
 Деля Хаос на сферы стройно,
 Союзом целость их крепить;
 Из разногласия согласье
 И из страстей свирепых счастье
 Ты можешь только созидать.
 Так кормщик, через понт плывущий,
 Ловя под парус ветр ревуший,
 Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
 Не оскорбляешь никого,
 Дурачества сквозь пальцы видишь,
 Лишь зла не терпишь одного;
 Проступки снисхождением правишь,
 Как волк овец, людей не давишь,
 Ты знаешь прямо цену их...

Ты здраво о заслугах мыслишь,
 Достойным воздаешь ты честь...

Слух идет о твоих поступках,
 Что ты ни мало не горда;
 Любезна и в делах, и в шутках,
 Приятна в дружбе и тверда;
 Что ты в напастях равнодушна...
 Еще же говорят не ложно,
 Что будто завсегда возможно
 Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
 Достойное тебя одной,
 Что будто ты народу смело
 О всем, и въявь, и под рукой,
 И знать, и мыслить позволяешь,
 И о себе не запрещаешь
 И быть, и небыль говорить;
 Что будто самым крокодилам,
 Твоих всех милостей Зоилам,
 Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
 Из глубины души моей.
 О! сколь счастливы человеки
 Там должны быть судьбой своей,
 Где ангел кроткой, ангел мирной,
 Сокрытый в светлости порфирной,
 С небес ниспослан скиптр носить!

Можно ли было нагляднее, доходчивее и образнее, чем это сделал Державин, раскрыть поэзию жизни самой знатной части России, которая позволяла себе все, что только могло прийти человеку на ум. «Вот почему, — писал непревзойденный знаток жизни и творчества Державина Я.К. Грот, — нам совершенно понятен успех «Фелицы» не только при дворе, но и в публике. Ода эта рисует нам в ярких красках двор Екатерины и жизнь вельмож ее, исполненную фантастической роскоши, барской прихоти и страсти к наслаждениям. Тут отразилась целая сторона русского общества 18-го века; современники узнавали здесь себя, видели знакомые лица и нравы и не могли не восхищаться сходством мастерской картины»⁶.

Никакой сатиры на «приближенных Екатерины», как это все еще принято у нас считать, в «Оде к Фелице» не было. Более того, на Державина обиделись не те, с кого он писал обобщенный портрет Мурзы, тем самым, якобы задевая «сильных людей», вызывая на себя огонь их негодования, а те, кого он оставил без внимания. Читающие «Оду», заметил один из младших современников Державина, известный критик Н.А. Полевой, «искали намеков на знатнейших вельмож, перетолковывали; другие, слыша, как эти намеки заставляли *говорить* о людях», изображенных поэтом, «досадовали [выделено мною. — А.К.], почему он не намекнул на них...»⁷. О какой сатире тут может идти речь?

Как сатиру, затронутые Державиным «лень и негу, прихотливость, любовь к пышности, сластолюбие», отличавшие «приближенных Екатерины»⁸, стали воспринимать значительно позже, уже в XIX в., свидетельство чему мы находим у того же Н.А. Полевого. В 1832 г. в статье о сочинениях Державина он писал: «Современники могли восхищаться в “Фелице” тонкою похвалою Екатерине, умным вымыслом и живыми портретами вельмож и современников... Но мы, для которых все это исчезло, которые видели, читали и узнали после сего так много», продолжая «изумляться» творению Державина, тем не менее воспринимаем его иначе, как произведение «благородное, гордое, шутовское, язвительное, богатое словами...»⁹. В дальнейшем «благородное» и «гордое» в восприятии «Оды» отошли на задний план, а на первый вышел «язвительность», на основании чего ее и стали причислять к сатире. Однако в державинское время, особенно в первые месяцы после ее появления в печати, «Ода к Фелице» была предметом всеобщего восхищения, любования и радости за исключением, пожалуй, лишь тех, кто *досадовал*, не увидев себя в собирательном образе державинского Мурзы...

⁶ Грот Я.К. Жизнь Державина. — М., 1997. С. 198.

⁷ Полевой Н.А., Полевой Кс.А. Литературная критика. — Л., 1990. С. 145.

⁸ Грот Я.К. Жизнь Державина... С. 197.

⁹ Полевой Н.А., Полевой Кс.А. Литературная критика... С. 170.

На гребне такого восторга, его, можно сказать, прямым следствием и явилась Российская Академия. А потому Державин имел полное право утверждать, что Академия эта «начало свое возымела... от... оды Фелица». Да и собственно начало деятельности самой Российской Академии не обошлось, как мы знаем, без непосредственного участия поэта. Подпись Г.Р.Державина, вместе с подписями Д.И.Фонвизина и Я.Б.Княжнина, стоит под Протоколом первого, учредительного, заседания Академии. Ее членом он становится в день открытия Академии — 21 октября 1783 г. — и подписывает протокол уже в качестве одного из первых ее академиков¹⁰. И затем активно включается в работу по «сочинению» Академического Словаря.

Почитая себя учеником Ломоносова, Державин изъявляет желание выбрать все русские («словенороссийские») слова из его поэтических творений. Он участвует в обсуждении «Начертания для составления Толкового словаря словенороссийского языка», подготовленного Фонвизиным, и, одобряя его в целом, предлагает расширить границы привлечения в Словарь диалектизмов: «Кажется, и провинциальные слова, — замечает Державин, — которые имеют выговор хороший и выражение смысла точное, не мешают». Не согласен с Фонвизиным он только в одном: как рассматривать слова *чело* и *лоб*, *око* и *глаз*, *щека* и *ланита* и т.п., — отмечая, что «сие суть не сословы [синонимы. — А.К.], а слова двух языков»¹¹, одни — «словенского», церковного, другие — собственно российского.

Державин берет на себя обязанность выбирать из книг, лексиконов, журналов и других печатных материалов слова на букву «Т» и уже 16 декабря сообщает на заседании Академии, что им собрано более 1000 слов, а всего в его «особой тетради», как подсчитал Я.К.Грот, находится 1198 слов: и имена народов, и областные слова, и заимствования из иностранных языков, и слова «словенские» (церковнославянские), и собственно «российские» (русские), причем некоторые слова выписаны в двойной форме: *тот* и *тем*, *трудить* и *тружду*, *тратить* и *трачу* и т.д.¹². Далеко не все из них вошли в Словарь, но такое активно-заинтересованное участие Державина в работе над Словарем на самой ранней ее стадии примечательно, и его нельзя не отметить.

Державин входил в Отдел издателей, задачей которого была забота о соблюдении «порядка, чистоты и исправности при издании Словаря»¹³, и участвовал в обсуждении проблем, связанных с написанием слов. Так, когда в 1784 г. возник вопрос, с какой буквой писать слова: *сбор* или *збор*, *сделать* или *зделать* и т.д., а также, где в предлогах *из*, *воз*, *раз* и др. ставить вместо «з» букву «с», его мнение было четким и ясным: «Кажется мне, — пишет он, — при всех этих предлогах надлежит держаться правописания церковного, потому что оно от коренного словенского языка происходит, и что, отдаляясь от него, вводят новизны, без коих обойтись можно»¹⁴.

И хотя среди «имен господ членов Академии», участвовавших в составлении Словаря и в работе над ним, имя Державина не упоминается ни разу, тем не менее свой посильный вклад в его «сочинение» внес и наш замечательный поэт как своим творчеством, так и филологической деятельностью и тем «российскому слову отличную пользу принес».

А.С.Курилов

¹⁰ Некрасов С.М. Российская Академия. — М., 1984. С. 23.

¹¹ Сочинения Державина... Т. VIII. — СПб., 1880. С. 354.

¹² Грот Я.К. Жизнь Державина... С. 236.

¹³ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Вып. VII. — СПб., 1885. С. 4.

¹⁴ Сочинения Державина... Т. VIII... С. 354.